

УДК 165

Серегина Т. В.,

кандидат философских наук,
доцент кафедры логики, философии и методологии науки,
Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева.

Ульянов А. М.,

аспирант кафедры логики, философии и методологии науки,
Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева.

Власть – знание в контексте акторно-сетевой теории Б. Латура

DOI: 10.33979/2587-7534-2025-3-31-38

В статье предпринята попытка критического пересмотра диспозитива «власть-знание» М. Фуко с учетом акторно-сетевой теории Бруно. Предложена гипотеза, в соответствии с которой структурализм и постструктурализм, в границах которых преимущественно разворачивалась теоретическая мысль М. Фуко, сосредоточены на дискурсивном анализе и не учитывают активную роль материальных и нечеловеческих акторов в продуцировании реальности. Предлагается расширение диспозитива за счет включения объектов в качестве самостоятельных и деятельных акторов, что потенциально позволит преодолеть концептуальный разрыв между природным и социальным.

Ключевые слова: диспозитив, власть, знание, акторно-сетевая теория, акторы, реальность, спекулятивный реализм.

Seregina T. V.,

candidate of Philosophy,
Associate Professor of the Department of Logic,
Philosophy and Methodology of Science,
Orel State University named after I. S. Turgenev.

Ulyanov A. M.,

postgraduate Student of the Department of Logic,
Philosophy and Methodology of Science,
Orel State University named after I. S. Turgenev.

Power is knowledge in the context of Bruno Latour's actor-network theory

The article attempts to critically revise M. Foucault's "power-knowledge" dispositif, taking into account Bruno Latour's actor-network theory. It proposes a hypothesis according to which structuralism and poststructuralism, within which M. Foucault's theoretical thought primarily unfolded, focus on discursive analysis and overlook the active role of material and non-human actors in the production of reality. It proposes the expansion of the dispositif by including objects as independent and

active actors, which could potentially bridge the conceptual gap between the natural and the social.

Keywords: *dispositif, power, knowledge, actor-network theory, actors, reality, speculative realism.*

Социальная реальность меняется очень быстро, поэтому методы анализа, оформившиеся еще каких-нибудь пару десятков лет назад, устаревают и требуют критической ревизии. Подобным образом обстоит дело с диспозитивом «власть-знание» М. Фуко, введенным им в рамках своего генеалогического метода анализа властных практик для экспликации того, как власть и знание усиливают друг друга на протяжении их исторического развития. С существенной опорой на акторно-сетевую теорию Б. Латура в рамках данной статьи предпринята попытка вывести диспозитив М. Фуко из преимущественно дискурсивного пространства. Процедура выведения будет связана со смещением концептуального фокуса из поля дискурсивных практик в поле (в)недискурсивных (с сохранением их собственных особенностей, т.е. не смешивая и не растворяя одно поле в другом) и осуществляться посредством добавления к диспозитиву «власть-знание» в качестве самостоятельных и производительных элементов субъекта и объекта (как агентов влияния). М. Фуко много писал о недискурсивных элементах, дополняющих его оригинальные археологический и генеалогический методы анализа власти и знания, однако подобным описаниям все равно были присущи черты дополнительного ракурса рассмотрения (в противовес основного – дискурсивного). Соответственно, можно предположить, что категория объекта воспринималась М. Фуко как дополнительная к концепту знания (актуализировалась только в свете анализа эпистемологических теорий), а категория субъекта – как дополнительная к концепту власти (актуализировалась только в свете анализа власти и властных отношений). Таким образом, все эти четыре концепта/категории оставались преимущественно дискурсивными, т.е. связанными с практиками говорения, мышления и особенностями социокультурного контекста того или иного общества. Задачами же данной статьи является возможность задать этим категориям/концептам самостоятельное место в реальности, другими словами, сделать их реальными независимо от дискурса. В качестве практической задачи может выступить попытка дополнить диспозитив, предложенный М. Фуко, некоторыми положениями АСТ Б. Латура с сохранением сильных сторон каждой из представленных позиций, что, в свою очередь, позволит задать вектор развития новых политических и эпистемологических теорий, в которых бы все элементы отношений получили полновесное участие/собственный реальный статус в объяснении/изменении мира.

Актуальность поставленных цели и задач обусловлена, во-первых, все более размывающимися границами между областями власти и знания, социального и научного, природного и человеческого. В связи с этим становится все труднее говорить о субъектах только как производных

политического/социального и объектах только как производных эпистемологического/научного. Другими словами, усиливается гибридизация субъектов и гибридизация объектов на фоне трансформации и расширения пространств власти и знания. Примерами, подтверждающими подобные трансформации, могут выступить климатические и экологические изменения, информационные войны и PSYOP-атаки, прокси-конфликты и экономические блокады.

Во-вторых, социальный конструктивизм, апологетом которого выступал на раннем этапе собственной теоретической работы Б. Латур, все больше подрывает легитимность и обоснованность любого научного знания. Заражённое социальным конструктивизмом научное сообщество не в состоянии представить убедительные аргументы в пользу значимости собственных теорий. Конструктивизм, ранее используемый для деконструкции наивного взгляда на реальность (стремление показать, что за наивными фактами мира лежат скрытые детерминанты (фактические реалии): дискурсы, диспозитивы, бессознательное), становится устойчивой к любой критике метатеорией, выставляющей научное знание ангажированным, идеологически нагруженным и попросту фиктивным. В поздней статье «Почему критика выдохлась? От фактов к вопросам, вызывающим озабоченность» Б. Латур отмечает: «...факты выдуманы, что не существует естественного, непосредственного, неискаженного доступа к истине, что все мы – узники языка, что говорим мы, всегда исходя из определенной точки зрения, и т.д.; в то время как экстремисты используют те же доводы социального конструктивизма, чтобы разрушить с боем завоеванную очевидность, которая может спасти нам жизнь» [Латур, 2023].

Основным текстом, на который опирается данная статья, является работа Б. Латура, выдержанная в духе социологической критики, «Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии». Дополнительными, но не менее важными являются работы М. Фуко и работа К. Мейясу «После конечности. Эссе о необходимости контингентности».

В качестве основных методов исследования можно выделить компаративистский метод (сравнение модернистского, постмодернистского и немодернистского подходов к анализу реальности) в его трактовке Б. Латуром и герменевтический метод чтения текстов, позволяющий замечать акцентуации и предлагать новые концептуальные ходы.

Вслед за Б. Латуром можно допустить, что с начала эпохи Нового времени (примерно, с XVII в.) становится ощутимым Великий разлом, разделивший мир природы (объекта) и мир человека (субъекта) на два полюса и ставший неким конституирующим принципом и той исходной эпистемологической установкой, определившей Новое время и его философию. Б. Латур выделяет три стратегии, равно неудовлетворительные, по его мнению, сложившиеся в русле философии модерна и направленные на упрочнение этого разлома: открытое противопоставление субъекта и объекта; вынесение объекта за скобки, т.е. сведение реальности к социальным конструктам и языковым играм и, наконец, отнесение всего реального к реально данному существу (как вторичному), которое

является лишь не слишком значительным отблеском Бытия (как первичного). В работе «Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии» он резюмирует три стратегии следующим образом: «Первая состоит в том, чтобы произвести разрыв между объектами и субъектами, постоянно увеличивая расстояние между ними; вторая, известная под именем «семиотического переворота», состоит в том, чтобы заниматься серединой, забывая при этом о крайних точках; третья, наконец, состоит в отделении мысли о Бытии от мысли о сущем. [Латур, 2021: 149]. Проанализируем подробнее каждую из них.

Первая стратегия – разделение. Наиболее радикальным образом ее выразил И. Кант, совершивший коперниканский переворот в онтологии и теории познания, разделив реальность на трансцендентальный субъект, с которой лишь ему присущи априорными формами познания и чувственности, и на трансцендентный объект, принципиально непознаваемый в своих предельных основаниях, т.е. рассматриваемый как вещь-в-себе. Субъект находится на своем полюсе и бесконечно далек от мира объекта. Объект находится на своем полюсе и бесконечно далек от субъекта. Конечно, субъект и объект в таком ракурсе рассмотрения пересекаются, иначе мы бы не могли составить никакого адекватного и достоверного представления о мире. Субъект и объект скользят по линии (как по натянутому канату), соединяющей и одновременно разделяющей их полюсы, то приближаясь, то отдаляясь, но никогда реально не смешиваясь. Однако их взаимодействие гарантировано только благодаря посредникам/медиаторам (феноменам, чувственным и рационально постигаемым объектам, дедуктивным и индуктивным формам мышления), которые не имеют полновесной реальности/существенного онтологического статуса.

Вторая стратегия нашла свое первоначальное воплощение в языковом/лингвистическом повороте начала XX века (в работах Л. Витгенштейна и теоретиков Венского кружка) и получила широкое распространение, заняв фактически все пространство континентальной философии (особенно французской), во второй его половине в работах структуралистов и постструктуралистов: М. Фуко, Ж. Деррида, Р. Барт, У. Эко. Её сторонники занимают срединное место, позицию медиатора и выносят оба полюса за пределы собственного рассмотрения. Совершенно неважно, кто говорит о чем-то. Совершенно неважно, о чем говорит кто-то. Язык предоставляет лишь место говорящему, не заботясь о его субстанциональных качествах, он же лишь временно даёт право голоса вещам, которые сводятся к эффектам языка/дискурса. Решение, в общем-то, оригинальное, но совершенно секулярное в своей сути. Свободное плавание означающих, отсылающих друг к другу, не даёт никакой устойчивости. Текст, говорящий сам за себя и лишь порождающий эффекты смыслов и ценностей, сложно представить единственной реальностью (по мысли Ж. Деррида, например). Существенным недостатком этой стратегии, по мысли Б. Латура, является скрытая/неявная работа по упрочнению логики Великого разлома под знаменами ее явного игнорирования. Игнорирование как субъекта, так и объекта в их очищенной

реальности имплицитно даёт им больше прав для утверждения собственного положения и противопоставления, которая (в логике второй стратегии) отдана на откуп произвольного их конструирования в пространстве языковых игр.

Диспозитив «власть-знание» М. Фуко вписывается в логику второй стратегии. Под диспозитивом М. Фуко понимает «крайне разнородный набор, состоящий из дискурсов, институтов, архитектурных форм, нормативных решений, законов, административных мер, научных утверждений, философских, моральных и филантропических предложений – короче говоря, как сказанного, так и невысказанного. Таковы элементы диспозитива. Сам диспозитив – это система отношений, которые могут быть установлены между этими элементами» [Foucault, 1980: 194]. Если подвергнуть герменевтическому анализу уже этот фрагмент, становится заметным смещение от чисто текстуальной (языковой) оптики в сторону включения недискурсивных элементов. М. Фуко, в отличие от Ж. Дерриды, для которого все есть текст, стремится подчеркнуть, что власть не сводится лишь к языку, но реализуется в конкретных социальных институтах, результатах их нормативных решений, архитектурных сооружениях. Однако при этом недискурсивное для М. Фуко остается дополнительным измерением, необходимым условием сочленения с дискурсивным описанием производящего режима знания и власти. Онтологической автономией (агентностью, на которой настаивает Б. Латур) недискурсивное не обладает.

В своей ранней методологической работе «Археология знания» М. Фуко прямо указывает, что его анализ сосредоточен на дискурсивных практиках (совокупность фактов высказывания) и на тех правилах формирования, которые задают их позитивность. Недискурсивные элементы не выводятся за пределы дискурсивного анализа, но фиксируются лишь постольку, поскольку они сочленяются с дискурсом в определенных конфигурациях. М. Фуко пишет: «Имея дело с совокупностью фактов высказывания, археология не задаётся вопросом о том, что могло её мотивировать; она также не стремится обнаружить, что именно в них выражается; она пытается установить, каким образом правила формирования, от которых зависит эта совокупность – и которые характеризуют её позитивность, – могут быть связаны с недискурсивными системами: она стремится определить специфические формы сочленения» [Фуко, 2004: 300].

Таким образом, недискурсивное мыслится М. Фуко лишь как зависимая переменная, репрезентируемая через дискурсивное поле высказываний, но не как автономный актор. В этом, собственно, и заключается ядро структурализма и постструктурализма. Символические/языковые структуры первичны по отношению к реальности. Объект вынесен за скобки, а субъект – лишь эффект языка.

И, наконец, следует рассмотреть третью стратегию по фиктивному преодолению нововременного разрыва. Его самым значимым представителем являлся М. Хайдеггер, который считал, что традиционная метафизика забыла о Бытии (последний раз вопрос о Бытии фундаментально ставился только у Платона), сосредоточив все свое внимание на сущем. В соответствии с мыслью М. Хайдеггера и его последователей (представителей экзистенциальной и

феноменологической традиции в истории западной философии), вопросы социального, политического, природного, дискурсивного, научного, технического являются, в рамках прежнего традиционного рассмотрения, всего лишь сущими: отдельными категориями, предметами и явлениями. Сущее, соответственно, обладает более низким онтологическим статусом и не дотягивает до уровня полноценно реального. В оптике правильно поставленного вопроса о Бытии эти два полюса сведены воедино и составляют некую зону неразличимости: без человека и его присутствия в здесь-бытии нет отвечающего Бытия (и наоборот). Как раз это «наоборот» остаётся слабым/малопроясненным местом внутри Хайдеггеровской теории Бытия, что делает ее уязвимой для критики Б. Латуром. По мнению Б. Латура, третья позиция остаётся сугубо антропоцентричной, перетягивая канат на сторону субъекта и оставляя объект в тени. Более того, в некоторых своих аспектах она может предстать эзотерическим учением для малого круга избранных посвященных, имеющих привилегированный доступ к реальности. Неслучайно, что именно учение о бытии М. Хайдеггера и феноменологию Э. Гуссерля К. Мейясу называет сильными корреляционизмами, силы для борьбы с которыми должны собрать реалисты и иные провозвестники новых онтологий. К. Мейясу пишет: «Понятие Ereignis, центральное для позднего Хайдеггера, остается верным корреляционному требованию, унаследованному от Канта и продолженному в феноменологии Гуссерля: «со-принадлежность», которой является Ereignis, означает, что ни бытие, ни человек не могут быть заданы иначе, чем как «вещи в себе», которые входят во взаимодействие только во вторую очередь...» [Мейясу, 2017: 16].

Не будучи удовлетворенным ни одной из трех проанализированных стратегий и доказав, что внутренняя логика их работы является полностью нововременной, т.е. работающей на укрепление Великого разлома, Б. Латур становится на четвертый, ненововременной путь, который сможет одновременно и преодолеть Конституцию Нового времени, и сохранить её сильные стороны. Б. Латур предлагает следующее: «...мы должны очертить пространство, которое больше уже не является пространством нововременной Конституции, поскольку оно составляет зону медиации, которую Конституция, как она утверждала, опустошает. К практике очищения – горизонтальной линии – необходимо добавить практики медиации – вертикальную линию» [Латур, 2021: 147]. Радикальный жест заключается в том, что Б. Латур отказывается мыслить только в горизонтальной плоскости: очищенные полюс субъекта и полюс объекта, а между ними медиаторы/посредники, выстроенные по горизонтальной линии. Он добавляет вертикальную линию – линию медиации (медиация и медиатор здесь не одно и то же). Самое интересное происходит именно в режиме медиации, но не в режиме очищения (как то пыталась представить нововременная Конституция). Соответственно, не бывает чистых объектов, как и чистых субъектов, но есть гибридные объекты (берущие что-то от полюса объекта науки, а что-то от полюса субъекта социального) и есть гибридные субъекты (берущие

что-то от полюса субъекта социального, а что-то от полюса объекта научного). Б. Латур именует данные гибриды квазиобъектами.

Именно на концептах квазиобъектов или ассамбляжей/сборок (в этом месте Б. Латур частично привлекает концептуальных аппарат Ж. Делеза) функционирует акторно-сетевая теория Б. Латура. Он определяет АСТ следующим образом: «АСТ утверждает, что если мы хотим быть немного реалистичнее в понимании социальных связей, чем «разумные» социологи, то следует признать, что процесс любого действия редко состоит из отношений типа «человек–человек» (для которых в любом случае вполне достаточно базовых социальных навыков), или отношений типа «объект–объект», но, вероятно, зигзагообразно движется от одного типа к другому» [Латур, 2014: 107]. Наука, техника, политика, социум, экология и т.п. – все эти сферы представляют собой не просто пространства человеческой деятельности (тогда бы их было правомерно отнести к чистому полюсу субъекта) или пространства деятельности нечеловеческой (тогда бы их было правомерно отнести к чистому полюсу объекта). Но они есть сети взаимодействий (работа медиации), в которых технологии, документы, инфраструктуры и природные объекты играют не меньшую роль, чем человеческие агенты. Все элементы таких сетей есть акторы. Возможность быть актором – это не качество, присущее только субъекту или только объекту, но динамическое свойство любого элемента, способного оказывать влияние и быть вовлечённым в сеть отношений.

Таким образом, Б. Латур не просто уравнивает в праве на обладание реальностью людей и нечеловеков (например, учёного и лабораторию/микроскоп/пробирку, политика и материальный флаг страны/стол для переговоров/акт записи политического решения, художника и кисть/холст/художественную мастерскую), но и оригинально разрушает фундаментальную для Нового времени субъект-объектную дихотомию.

В представленной оптике рассмотрения, следующей за анализом Б. Латура, диспозитив «власть–знание», предложенный М. Фуко, может быть пересмотрен в контексте более широкого включения в него материальных, технических и прочих нечеловеческих акторов. Диспозитив тогда перестанет быть только структурой «власть–знание» и может рассматриваться как система «власть–знание-субъект-объект», где все элементы (человеческие и нечеловеческие) выступают в качестве полноправных акторов.

Работу расширенного диспозитива «власть–знание-субъект-объект» можно рассматривать на примере климатических и экологических изменений в современном мире. Фукольдианский дискурс о климате преимущественно разворачивается на полюсе политического/социального (объект вторичен / произведен): государства принимают экологические решения (субъекты), а природа страдает от антропогенного воздействия (объекты). Напротив, в расширенном диспозитиве климат и экологические системы перестают быть пассивными объектами и становятся полноценными акторами, вовлечёнными в политический процесс (теперь уже на (в)недискурсивном уровне).

Глобальное потепление не просто может быть проинтерпретировано через научные отчёты и политические дискуссии (дискурсивный уровень), но само действует, трансформируя экономику (энергетический переход), индустрию (декарбонизация), социальные структуры (климатическая миграция) и геополитику (борьба за редкоземельные металлы). В этом смысле климатические явления (ураганы, засухи, наводнения) становятся элементами «распределения власти», не только описываемыми в полях дискурсивностей (сочленение дискурсивного и (в) недискурсивного), но реально влияющими на институции, законы и нормативные практики. Экологическая политика, таким образом, оказывается не только вопросом дискурса, но и перераспределением власти в материальном и техническом пространствах (сетях). Если оставаться лишь в границах социального конструктивизма лингвистического субъектализма, можно утратить чувствительность к реальным угрозам вторжения внешнего (экологические катастрофы).

Новые онтологии (ООО, спекулятивный реализм, темная экология Т. Мортон и т.п.), в свою очередь, смогут усилить подобное расширение диспозитива, утверждая независимый статус объектов, которые больше не могут быть сведены к их восприятию или дискурсивному осмыслению. Однако это тема для дальнейшего развития и концептуального осмысления.

Список литературы

Латур, 2014 – *Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.

Латур, 2021 – *Латур Б.* Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. 296 с.

Латур, 2023 – *Латур Б.* Почему критика выдохлась? От фактов к вопросам, вызывающим озабоченность // Философско-литературный журнал «Логос». 2023. №5 (156).

Мейясу, 2017 – *Мейясу К.* После конечности: Эссе о необходимости контингентности. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2017. 196 с.

Фуко, 2004 – *Фуко М.* Археология знания. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. 416 с.

Foucault, 1980 – *Foucault M.* Power/knowledge: Selected Interviews and Other Writings, 1972-1977. New York: Harvester Wheatsheaf, 1980. 270 p.